

Одеська національна юридична академія
Південноукраїнський центр гендерних досліджень

АКТУАЛЬНІ ПРОБЛЕМИ ПОЛІТИКИ

ЗБІРНИК НАУКОВИХ ПРАЦЬ

Випуск 10-11

Одеса
«Юридична література»
2001

СТРАХ ПЕРЕД ТЕРРОРИЗМОМ КАК КРИМИНОГЕННЫЙ ФАКТОР

Туляков В. А., ОНЮА

Известно, что терроризм как социальный процесс, реализующийся в совокупности мотивируемых социальными и политическими противоречиями развития общества агрессивных действий, является одной из наиболее опасных форм проявления современной преступности. Сегодня терроризм из относительно единичных проявлений захвата заложников и посягательств на жизнь государственных и общественных деятелей мутирует в активный вирус, захватывающий целые социальные общности и ослабляющий государство и мировой правопорядок.

Доминантность насильственных методов решения социальных и политических конфликтов, мировой информационный террор ослабляют не только конкретное государство, но и все мировое сообщество в целом. К концу двадцатого столетия во всем мире, и в особенности в странах постсоветского блока, стали проявляться тенденции, отмеченные еще в 1955 году великим футурологом Алвином Тоффлером в книге "Столкновение с будущим": в различных регионах наблюдаются предпосылки развития кризиса адаптационных возможностей человечества [1]. Люди не в состоянии противостоять постоянным нарушениям душевного равновесия, происходящим в результате ломки стереотипов и крушения идеалов, вызванных множеством причин (от влияния НТР на проблему коммуникаций, страха перед преступностью, террором и экономическими потрясениями, снятия барьеров и этнокультурных запретов, до изменения официальной государственной идеологии и аномии как естественного фрустрационного следствия).

Указанные обстоятельства через утрату чувства социальной безопасности и усиливающийся страх перед преступностью и терроризмом ведут к разрушению правопорядка и системы социального контроля в целом, содействуют неформальной приватизации системы обеспечения общественной и национальной безопасности (через нелегальный рынок вооружений) [2], определяют дальнейшую криминализацию общества.

В этой связи определенный интерес представляет рассмотрение основных аспектов криминогенности страха перед терроризмом и преступностью в целом и видов такого страха.

В теории психологии страх определяется как эмоция, возникающая в ситуациях угрозы биологическому или социальному существованию индивида и направленная на источник действительной или воображаемой опасности [3].

Один из выдающихся психологов Фриц Риман, рассматривая страхи как форму реализации противоречия между человеческими стремлениями к устойчивости, определенности бытия и индивидуальными потребностями в переменных, утверждает, что, в основном, страхи, являясь органичными составляющими

ми нашей жизни как биологических и социальных существ напрямую связаны с "соматическим, душевным и социальным развитием, с овладением новыми функциями при вступлении в общество или содружество. Страх всегда сопровождает каждый новый шаг по пересечению границ привычного, требующий от нас решимости перейти от изведанного к новому и неизвестному" [4].

Страх естественно присущ нашему бытию и является его неизбежной принадлежностью, служа условием приобретения опыта социального взаимодействия. Будучи также отражением коллективного и личного опыта, страх с помощью механизмов социализации, социально-психологического заражения, внушения, подражания и конформизма возникает всякий раз, когда мы оказываемся в трудной ситуации. Он выражается в форме специфической боязни определенных ситуаций или объектов. Например, страх перед незнакомцем, насильником, темнотой. Он может быть выражен в форме не конкретизированного, обобщенного и расплывчатого состояния, определяемого воздействием коллективного опыта виктимизации (боязнь преступности вообще), коллективного поведения (массовая паника, страх перед злоупотреблениями властью: пытками, исчезновениями людей, нарушениями прав человека), воздействия средств массовой информации (страх перед зрелищно-преступностью: "маньяками, мафией и наркомафией").

Страх напрямую связан с нашими психическими установками, самочувством, системой ценностей и опытом социального общения. По Ф. Риману в наиболее общем виде основными формами страха являются: а) страх перед самоотвержением, переживаемый как утрата "Я" и зависимость; б) страх перед самоотановлением (стагнацией "Я"), переживаемый как беззащитность и изоляция; в) страх перед изменением, переживаемый как изменчивость и неуверенность; г) страх перед необходимостью, переживаемый как окончательность и несвобода [5].

Как правило, люди в состоянии достаточно легко преодолевать те или иные страхи, за исключением ситуаций кумуляции определенных страхов с детства, подпитываемых личным опытом виктимизации, рикошетным заражением от знакомых, соседей и близких и некритическим восприятием средств массовой информации. В таких случаях естественной реакцией субъекта на страх перед любым объектом могут быть паника, невроз, реактивное состояние психики, синдром посттравматического стресса.

Страх же перед преступностью и терроризмом, в отличие от элементарных правил предосторожности, как правило, иррационален и проявляется во всех выделенных выше формах, приводя к истерическим паническим реакциям, застревающим ступорным состояниям, депрессивному "молчанию лягуш", агрессивно-шизоидным фобиям.

С криминологической точки зрения определенный интерес представляет рассмотрение уровней и видов страха перед преступностью и терроризмом. Здесь, думается, мы можем выделить:

Общее состояние страха перед преступностью и терроризмом. На практике это связанный с опытом социализации и с социально-психологическим состоянием общества в целом сигнал, предупреждающий о приближающейся угрозе и мотивирующий определенные и естественные защитные реакции. В норме они выражаются в ситуативной профилактике возможных криминогенных ситуаций, в принятии защитных мер безопасности личности, имущества, семьи. Патологический страх перед преступностью и терроризмом выражается в ланике, навязчивых фобиях стать жертвой, в восприятии любого окружения как социально опасного, в неадекватных агрессивных реакциях, в приватизации индустрии безопасности, формировании теневого рынка вооружений.

Культивирование массовых патологических реакций такого рода достаточно важно как для определенных кругов политической элиты так и для криминалитета, поскольку именно оно обуславливает принятие любых законопроектов, ограничивающих права и свободы граждан в угоду общественной безопасности, отводит глаза народа от реального состояния дел, позволяет манипулировать общественным сознанием, открывает возможности для распространения методов социального насилия во всех сферах общественной жизни. Аморфность и бессистемность воззрений, готовность согласиться с любыми крайними мерами правительства по защите личной неприкосновенности, формирование образа врага, — вот далеко не полный перечень типичных состояний, детерминированных страхом перед терроризмом.

Люди паникуют, чувствуют себя брошенными на произвол судьбы, отрицательно относятся к политике защиты граждан от преступности, с шоком воспринимают любые меры по ограничению личной безопасности. В случае же принятия правительством жестких и решительных мер страну захлестывает фобия подозрительности: любой мало-мальски значимый образ, ассоциируемый с террористами, подлежит особому контролю и реакции со стороны общины. Короче, кругом враги, и они не дремлют [6]. "Но были и еще жертвы, и уже после того, как Воланд покинул столицу, и этими жертвами стали, как это не грустно, черные коты... Было еще многое, всего не вспомнить. Было большое брожение умов", — писал о подобном М. Булгаков в "Мастере и Маргарите" [7].

Культурные состояния страха перед терроризмом могут определяться как рикошетной виктимизацией близких, членов референтных групп и связанных с этим стрессами и невротическими состояниями (синдром виктимной субкультуры), так и вызванной нарушением прав человека политической угнетения определенной расы, нации, народности (боязнь злоупотребления властью, отверженность, синдром парий). Так, ощущение постоянной угрозы террористических актов воспринимается американцами как неизбежное фатальное зло, как издержки образа жизни. В наиболее острых

формах культурные состояния страха могут проявляться в беспомощности и подавленности и связанных с ними депрессивных состояниях: уход от социальных контактов, печаль, раздражительность, страдания, ослабление интересов и способностей, аморфность поведения, алкоголизация, наркотизм, неадекватные реакции, суицидальная активность.

Детерминированные опытом виктимизации личностные виктимные фобии. В норме выражаются в накопленном негативном опыте общения с террористами, рациональном поиске выхода из ситуации и определенных опасениях попадания в сходные криминогенные ситуации. Патологическое развитие влечет за собой неврозы, психотические состояния, дисфункциональность реакций при попадании в ситуацию, хотя бы мельком напоминающую ситуацию террористической виктимизации, опасения вновь и вновь стать беспомощной жертвой, параноидальный бред преследования.

Острые состояния страха в критической ситуации. В зависимости от состояния психики, темперамента и иных личностных качеств, опыта разрешения конфликтных ситуаций могут варьироваться от попыток поиска рационального выхода из конфликта до героических поступков и патологической трусости.

Отсюда криминогенное значение страха перед преступностью и терроризмом заключается:

На общесоциальном уровне: в формировании панических настроений и аномии при ощущении полной небезопасности существования граждан в обществе. Страх перед терроризмом на национальном уровне связан с состоянием национальной безопасности и уверенностью населения страны в стабильности охраны его законных прав и интересов. Отсюда страх перед терроризмом, ухудшая качество жизни, вынуждает граждан предпринимать защитительные меры, "деморализует общество, дезорганизует его и тем самым усиливает аномию" [8].

На уровне малых групп и сообществ: в формировании групп аутсайдеров, маргиналов наиболее пораженных преступностью и склонностью к криминальному насилию, а также ответных враждебных реакций аутсайдеров, стигматизируемых государством и культурой как "виновные" жертвы, "жертвы-провокаторы". Известно, что страх перед терроризмом носит явно выраженный локальный характер, усугубляясь характеристиками условий жизнедеятельности субъектов, их образом жизни, опытом виктимизации, информацией о преступлениях и жертвах террора. Причем, как показывает практика, страх перед терроризмом и преступностью опосредуется в определенной мере публикациями о локальных насильственных преступлениях.

Наконец, на индивидуальном уровне страх перед терроризмом, негативно влияя на психику и моральные оценки личности, дестабилизирует психическое состояние субъекта, подталкивает его на необдуманные, аф-

фактивные поступки, снижая границы самоконтроля и повышая импульсивность реакций. Не исключено также, что опыт виктимизации, кумулируя страх перед терроризмом, в зависимости от особенностей психики субъекта в состоянии понижает защитительные способности жертвы в криминальной ситуации, тем самым повышая самооценку преступника и провоцируя его на совершение антиобщественных действий.

Отсюда общий уровень страха перед преступностью и терроризмом параллелен уровню виктимизации общества в целом. Вместе с тем, надо указать, что более последовательной является точка зрения, согласно которой страх перед преступностью и терроризмом не может быть объяснен только ростом преступности и актов террора, а также и иными социально-демографическими, социально-экономическими, социокультурными факторами, способствующими виктимизации. В действительности его существование как своеобразной формы общественного сознания вызвано целой совокупностью причин.

С социологической перспективы, на страх перед преступностью и терроризмом оказывают влияние социальные изменения в обществе, структура общественных отношений, образ жизни, занятость, наличие развитой инфраструктуры, жилищные условия, экологические факторы, средства массовой информации [9].

Особый интерес вызывают исследования взаимосвязи страха перед преступностью и социокультурных установок общины, цивилизованности образа жизни. По мнению Г. Кури, чем больше грязи человек видит на улицах, чем больше людей вокруг него ходят в лохмотьях, тем выше у него ощущение небезопасности и страха. Со страхом перед преступностью и терроризмом коррелирует низкий уровень дохода, плохие жилищные условия и сложные жизненные проблемы, в которых оказывается человек, не могущий обеспечить надлежащий уровень безопасности себе и своим близким [10]. При этом характеристики страха перед терроризмом во многом зависят и от ощущения общественной безопасности в целом, тревоги за судьбы развития общества, вовлеченности граждан в деятельность по самоуправлению общиной и государством.

Показательны в связи с этим данные опросов населения США, проводимые Институтом Гэллага. Так, в 1982 году среди проблем, наиболее тревожащих население США сегодня 61 % респондентов выделяли безработицу и 3 % – преступность. В 1999 году с ростом общественного богатства, улучшением эффективности деятельности правоохранительных органов, стабильным снижением преступности на протяжении всего правления администрации Б. Клинтона, только 4 % респондентов выделяли безработицу среди проблем, наиболее тревожащих население США, и 17 % – преступность, насилие. Интересно, что с ростом внимания администрации к проблеме обеспечения безопасности населения и постоянным освещением

этой проблемы в средствах массовой информации проблема преступности, насилия указывалась среди основных 2% респондентов в 1991 году, 5% – в 1992, 9% – в 1993, 52% – в 1994, 27% – в 1995, 25% – в 1996, 23% – в 1997, 20% – в 1998 и 17% американцев в 1999 году [11].

Правда, миру известны и другие состояния. Так, ощущение приближения вселенского хаоса и конца света стало, пожалуй, достаточно часто встречаться в реальной жизни человечества и более всего, – в странах СНГ, где кумуляция скрытой агрессии происходила годами. Например, свыше 80% жителей крупных индустриальных городов Украины ощущают недостаток защиты от преступности, да и вообще, лишь 3–6% жителей удовлетворены состоянием своей безопасности [12]. Согласно данным Российского института социологии парламентаризма, 71% российских граждан убеждены, что государство не защищает их; 59% боятся за свою жизнь, безопасность родных и близких; 56% взрослого населения боятся выйти на улицу с наступлением темноты; 21% граждан не чувствует себя в безопасности в собственной квартире; 49% граждан хотят приобрести огнестрельное оружие [13].

В этой связи забота о безопасности населения и его защите от любых видов угроз, содействие снижению страха и анонимии приобрела общенаучное значение. Как видим, страхи наши достаточно многообразны, как и виды реакций на них. Однако именно преодоление страхов, рациональное осмысление своего пути, места человека в этом мире дает возможность его дальнейшего развития и самосовершенствования. Обратная же дорога, кумуляция страхов, ведет к стагнации, снижению адаптивных черт и качества личности и ухудшению криминогенной обстановки.

Литература:

1. См. об этом: Гуревич А. Столкновение с будущим: постсоветский вариант // Финансовая Украина – 30 июля 1996 г. – С. 9.
2. См.: Peter Lock Pervasive illicit small arms availability: a global threat // HEUNI paper. – Helsinki, 1999. – № 14. – P. 4.
3. Краткий психологический словарь / Под ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. – М.: Политиздат, 1985. – С. 344.
4. Риман Ф. Основные формы страха / Пер. с нем. Э. Л. Гуданского. – М.: Алтейа, 1999. – С. 16.
5. Риман Ф. Указ. соч. – С. 24.
6. См.: Топография страха // Итоги – 21 сентября 1999 года. – С. 12–31.
7. Булгаков М. А. Белая гвардия; Мастер и Маргарита; Романы. – К.: Мольд, 1989. – С. 657–659.
8. См.: Хохряков Г. Ф. Криминология: Учебник. – М.: Юристъ, 1999. – С. 503.
9. См., например: Emilio Viano. Victims, crime and the media: competing interests in the electronic society // Communications and the law – 1995. – Vol. 17. – № 2. – P. 46.
10. Kury H. Crime development and fear of crime: a comparison of western with post communist countries // Criminological situation and security in society: First International